

В.М. Безотосный*

ФРАНЦУЗЫ В СОСТАВЕ РУССКОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА 1812 ГОДА

В генеральской среде российской императорской армии 1812 года встречались представители почти из всех стран Европы, и французы не составляли исключение. Другое дело, кого можно было тогда считать французом? В начале XIX столетия в обычной практике военного дело-производства русской армии на каждого военнослужащего составлялись формулярные списки. Одна из граф этого документа касалась происхождения и вероисповедания. Причем вопрос вероисповедания для определения национальности был весьма актуален и для того времени, и для историков, занимающихся изучением биографических сведений о персоналиях.

В формулярных списках, как правило, редко поднималась проблема вероисповедания российских подданных. В силу принадлежности каждой крупной национальности Российской империи к одной из господствующих в стране конфессий, современникам не требовалось специально пояснять, что русские в основной массе исповедовали православие, поляки – католицизм, а остзейцы (лифляндцы, эстляндцы и курляндцы) придерживались «лютеранского закона». Поэтому запись об отношении военнослужащего к разряду российских, польских, лифляндских и т.д. дворян, фактически подразумевала и конкретное вероисповедание. Принадлежность к определенной религии с детства формировала мироощущение и миропонимание каждого человека и, кроме того, являлась важным связующим звеном с культурными и национальными ценностями своего народа. Чаще всего в формулярных списках вопрос о вероисповедании поднимался в отношении выходцев с территорий недавно присоединенных к России, иностранцев, или лиц, исповедовавших не традиционную для их народа религию. В первую очередь это касалось европейских «изгоев», переселявшихся в другие страны из-за религиозных гонений: шотландских и французских протестантов, со временем потерявших связь с исторической Родиной.

Принимая всё это во внимание, мы и рассмотрим круг русских боевых генералов 1812 года, имевших французские фамилии. По разным причинам оказались они в рядах русской армии, и многие из них сыграли весьма заметную роль в тех, столь важных для России и для всего

* Виктор Михайлович Безотосный, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного исторического музея.

европейского континента событиях. Этих людей мы можем разделить на две категории. Первая — эмигранты-роялисты, бежавшие от ужасов Революции и являвшиеся с юридической точки зрения подданными французского короля. Всего таковых было 8 человек. Они попали в Россию не ранее конца XVIII в. и сохранили все черты, присущие сословию французского дворянства. К этой категории можно с определенными оговорками причислить в качестве французского подданного и уроженца о. Корсики К.А. Поццо ди Борго, хотя, учитывая национальную принадлежность этого земляка и с юношеских лет личного врага Наполеона Бонапарта, его было бы логично отнести скорее к итальянцам, чем к французам. Нельзя назвать его и роялистом. Отъезд с Родины и непримиримая борьба Поццо ди Борго против Наполеона, помимо личных причин, были обусловлены местной корсиканской спецификой. Остальные же восемь прошли обычный путь роялистской эмиграции. Многие успели повоевать в корпусе принца Конде или в армиях государств антинаполеоновских коалиций. Среди них выделялись генералы, достигшие вершин корпусной иерархии и игравшие в русской армии заметную роль — А.Ф. Ланжерон, К.О. Ламберт, Э.Ф. Сен-При. Биографии этих военачальников хорошо освещены в отечественной литературе. Остальные — А.А. Бельгард, М.И. де Дамас, А.О. Делагард, О.Ф. Долон и Л.О. Рот — достигли к 1815 г. уровня дивизионно-бригадного командования; их фамилии реже встречаются на страницах исторических сочинений, поскольку о них сохранилось меньше сведений. Примечательно, что из всех девяти человек после Реставрации лишь двое (де Дамас и Делагард) вернулись во Францию и стали служить Бурбонам. Остальные же, за исключением погибшего в 1814 г. Сен-При, предпочли остаться в России. О причинах этого пока можно только догадываться. Возможно, они не верили в прочность королевской власти во Франции и не видели там для себя перспектив в будущем. Нельзя исключать и того, что они не хотели потерять уже достигнутое ими высокое общественное положение на своей новой родине. Возможно, у них имелись и другие мотивы.

Заметим также, что, помимо вышеупомянутых армейских генералов, в 1812–1814 гг. на русской службе находились еще два французско-эмигранта, занимавшие важные посты: адмирал маркиз И.И. Траверсе был морским министром, а генерал-лейтенант герцог Э.О. Ришелье — Новороссийским генерал-губернатором.

Лица, входившие во вторую из двух выделенных нами категорий генералов, несмотря на свои французские фамилии, не являлись подданными французской короны. Это были потомки французских дворян-гугенотов, ставших в свое время изгоями у себя на родине. После отмены

Нантского эдикта в 1685 г. их предки, лишившись свободы вероисповедания, покинули Францию и поселились в соседних странах. Выявлению этой группы в среде российского генералитета помогают сведения о вероисповедании, содержащиеся в их формулярных списках. Если французы-роялисты поголовно являлись католиками, то у этих фигурировала запись о принадлежности их к реформаторской церкви. Перечислим всех протестантов с французскими фамилиями: А.А. де Скалон, М.И. Понсет, Ф.Ф. Довре, Ф.Г. Гогель. Они попали в Россию в разное время.

Дед Скалона первоначально перебрался в Швецию, а оттуда в 1710 г. приехал в Россию. Отец Скалона, родившийся уже в России, дослужился до генеральских чинов, так же как отец Гогеля, прибывший в 1775 г. для поступления на русскую службу из Монбельяра (ныне Франш-Конте, тогда – вюртембергское владение). Деды Понсета и Довре в конце XVII в. обосновались в Саксонии, имевшей на протяжении всего XVIII столетия тесные дружеские связи с Россией. Предки Понсета и Довре оказались инкорпорированы в состав саксонского дворянства, а потому оба учились в Дрездене. В русскую службу первый поступил в 1806 г., второй – в 1795 г. Закономерно выглядит и запись в их формулярных списках: «Из саксонских дворян». Скорее всего, они были уже больше немцами, чем французами. По воспоминаниям Д.А. Милютин, среди светских знакомств семьи Понсе «преобладал петербургский немецкий элемент», а когда он женился на дочери этого генерала, то после православного венчания в церкви на дом был приглашен пастор, совершивший церемонию по реформаторскому обряду и произнесший «по-немецки длинную, прочувствованную речь»¹.

У Гогеля в формулярном списке значится: «Из российских дворян». Хотя он родился в Саратове, где его отец занимал должность комиссара немецких колоний, современники его самого не считали русским человеком. Например, швейцарец К.К. Фези, служивший с ним в русской армии, в одном из писем 1823 г. назвал его «природным финляндцем», а Довре определил его как эмигранта родом из Берлина². Характерно, что и К. Клаузевиц считал Довре «саксонцем по рождению»³.

У Скалона, проведшего детство в России, в формулярном списке указано, что он из французских дворян: «Французской нации из шляхетства, уроженец российской, лютеранского закона, генерал-лейтенанта сын», но в графе о знании языков отмечены только два – русский и не-

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1997. С. 424, 432.

² Быт и нравы русской армии после 1812 года (По письмам генерала Фези из Польши и Кавказа). СПб., 1912. С. 73.

³ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 141.

мецкий⁴. Человек, не владевший языком предков (а ведь французский, кроме того, являлся общеупотребительным даже в русской и немецкой дворянской среде), вряд ли мог претендовать на принадлежность к французской нации, хотя нельзя исключать ошибку или забывчивость полкового писаря. Запись же о его происхождении, вероятно, была автоматически перенесена из формуляра отца. Поэтому в отношении потомков французских протестантов, основываясь на совокупности приведенных фактов и соображений, мы выдвинем, может быть, слишком смелую гипотезу, что они к началу XIX в. потеряли национальные качества, присущие выходцам из Франции. Их с большим основанием можно отнести к немцам французского происхождения.

Рассмотрим еще одну национальную группу в среде генералитета — условно говоря, итальянскую, состоявшую из 11 человек. Условно, поскольку в те времена на Апеннинском полуострове не существовало единого государства. Поэтому записи в формулярах отражали тогдашнюю географическую пестроту мелких государств региона. Так, мы находим по одному представителю Тосканы, Модены и Рима, а также трех российских уроженцев с итальянскими корнями (И.П. Росси, А.Ф. Санти, Ф.П. Нания). Формуляры Ф.П. Нания по-разному определяют его социальную принадлежность: «из купцов г. Рима...», «из штаб-офицерских детей итальянской нации родился в России от родителей своих, вышедших из Италии и в вечное России подданство, где он вечно быть желает»⁵. С большими оговорками сюда же можно добавить и швейцарца А.Г. Жомини, предки которого также имели итальянские корни.

Но наиболее широко в русской армии были представлены пьемонтские дворяне. Пьемонт, или, как его тогда называли, Сардинское королевство, оказался одним из первых государств, втянутых в войны наполеоновской эпохи. Но в состав его территории с давних пор входила франкоговорящая провинция Савойя. Мало того, страной правили монархи из Савойского дома, естественно широко привлекавшие к себе на службу савояров. Когда же французы изгнали правящую династию, а Савойю присоединили к Франции, то в эмиграции оказалось множество савойских дворян. Из пяти русских генералов, являвшихся выходцами из Пьемонта — К. де Местра, О.П. Венансона, А.Ф. Мишо, И.Н. Галатте де Жепола и О.И. Манфреди, у первых трех савойское происхождение выдается французским звучанием фамилий. Косвенным признаком можно также считать отсутствие у некоторых из них в формулярном списке записи о знании итальянского языка. Исключая Манфреди, формуляр которого не удалось отыскать, лишь в документах Галатте и Мишо

⁴ Отдел письменных источников ГИМ. Ф.160. Д.238. Л. 225—227.

⁵ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д. 2269.

есть фраза о знании итальянского, а у Местра и Венансона упоминание о владении языком основного населения Пьемонта отсутствует⁶. Родным для них был французский, и потому пьемонтские офицеры, попав в Россию, по словам Ж. де Местра (брата генерала), говорили «на прекрасном французском языке»⁷.

Подводя итог, можно сказать, что генералитет эпохи 1812 года отражал весь спектр национальных, религиозных и политических особенностей Российской империи и ее международных связей. Его многонациональный состав был обусловлен бурными событиями в Европе того времени. По словам известного публициста Н.И. Греча, «дело против Наполеона было не русское, а общеевропейское, общее, человеческое, следовательно, все благородные люди становились в нем земляками и братьями»⁸. На этом поприще разные генералы русской армии, в том числе и французского происхождения, проявили себя по-разному, но все они, бесспорно, оставили свой след в анналах эпохи, а их биографии стали неотъемлемой частью русской военной истории.

⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д. 7046. Л. 46–47; Д. 7058. Ч. 2. Л. 821–822; Д. 7053. Л.2–3; Д. 7060. Л. 598–599.

⁷ *Де Местр Ж.* Петербургские письма. СПб., 1995. С. 37.

⁸ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.,1990. С. 211.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>